

Милеуша

Хабутдинова

Айнур

Машакова

Казанский федеральный
университет (Россия)Институт литературы и искусства
имени М. О. Ауэзова (Казахстан)

ОБРАЗ КАЗАХСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ АЯЗА ГИЛЯЗОВА

Народный писатель Республики Татарстан Аяз Гилязов (1928–2002) в молодости шесть лет провел в степях Казахстана, в сталинском лагере КАРЛАГ. После реабилитации не озлобился, а нашел в себе силы на склоне лет сделать следующее признание: «Сейчас, когда я уже прошел значительную часть пути, когда поднялся до определенных высот жизни, теперь можно со всей откровенностью признаться. Меня тогда не по собственному желанию, а арестовав, посадили в вагон с зарешеченными окнами и отправили в Казахстан. Я, пробыв там около шести лет, достиг дна жизни, научился смотреть направо и налево, глаза открылись, если по правде сказать, хотя я до поступления в университет успел хлебнуть лиха, но, с позиции сегодняшнего жизненного опыта, я был еще глупым, зеленым, мои глаза открыл не сам Казахстан, а тюрьмы, лагеря, где я побывал, тамошние друзья, собранные из разных уголков страны известные личности, власовцы, бандеровцы и другие, которые приняли в свои объятия паренька родом с багряжской улицы, который делал первые шаги самостоятельной жизни, которые стали обкатывать парня то налево, то направо. Известно, что у каждого писателя должна быть своя биография, я часто добрым словом вспоминаю лагерь, хотя жизнь была очень тяжелой, я пережил немало унижений, я сформировался как человек в казахских степях, проживая с людьми разных национальностей, пригнанными с разных мест, укрепил свое мировоззрение» [1].

В татарскую литературу А. Гилязов пришел на «оттепельной» волне. Каждое его произведение порождало в обществе горячие споры. Казахский читатель впервые получил возможность познакомиться с творчеством татарского писателя лишь в 1979 году, когда вышел в свет сборник переводов татарской прозы «Татар повестері». Лерон Хабибуллин включил в книгу, куда вошли образцы татарской малой прозы, повесть «Три аршина земли», благодаря которой А. Гилязов обрел всесоюзную известность. Это произведение получило в 1964 году престижную литературную премию журнала «Дружба народов», однако 18 лет подвергалось преследованию со стороны региональной критики. За годы творческой деятельности писателем создано масштабное наследие. А. Гилязов внес неповторимый вклад в культуру татарского народа, обогатив национальные литературы и став частью общемирового литературного процесса.

Лагерная тема впервые прозвучала в его творчестве в 1960 году. А. Гилязов – автор рассказов «Муйнак» (1959), «Окна» (1960) и «Трехколесная тележка» (1965). Новизна писательского взгляда состояла в том, что он показал репрессии сквозь призму восприятия ребенка. Страшные события были увидены и пережиты детьми. В первом рассказе речь о расхитителях социалистической собственности, которые ловко уходят от ответственности. В двух других – о реабилитации невинно осужденных. В рассказе «Окна» встречается образ старика-стекольщика Хашима, который 33 года провел за решеткой, но сохранил открытое сердце. Автор прибегает к оценке героя со стороны. Хашим показан глазами ребенка, свободного от идеологических стереотипов, чутко реагирующего на проявление добра. В «Трехколесной тележке» реконструируется жизненный путь сына «врага народа». История семьи, попавшей под жернова репрессий, разрабатывается через мотив верной супруги, традиционный для тюркской литературы. Общество оказалось не готово к столь жесткой и трезвой оценке писателем происходящего в годы репрессий. Всех поразило, что автор рассказов львиную долю ответственности возложил не на Сталина и его окружение, а на рядовых граждан, ставших поневоле соучастниками творящегося вокруг беззакония. Это вызвало неоднозначную реакцию читателей, породило дискуссию в прессе, вызвало недовольство со стороны обкомовских критиков.

Травля повести «Три аршина земли» (1962), постоянно раздающиеся в прессе обвинения в очернении советского режима и неусыпный контроль КГБ заставили узника КАРЛАГа в шестидесятые годы отказаться от замысла создать произведение о своем лагерном прошлом. Надеждам А. Гилязова и его современников на то, что процесс «оттепели» будет необратимым и быстро прогрессирующим, не суждено было сбыться: обсуждение книги В. Дудинцева «Не хлебом единым», события вокруг «Доктора Живаго» Б. Пастернака, резкая критика в адрес альманахов «Литературная Москва» и «Тарусские страницы» и т. п. показали, что оснований для оптимизма мало.

В своих воспоминаниях писатель наряду с «похолоданием» общественной атмосферы называет еще одну объективную причину, заставившую его в 1960-е годы скорректировать планы:

«Вернувшись из самой преисподней, стараешься никому не рассказывать об испытанном в неволе и порой силой заставляешь себя забыть об испытанных муках. Это желание забыть настолько сильно в тебе, что даже лучших товарищей по лагерю со временем вычеркиваешь из памяти. Порой не хочется не только вспоминать обо всем, что было в лагере, но даже с людьми, напоминающими пребывание там, не хочется встречаться» [2; 444].

В письме к переводчику повести И. Гиззатуллину 5 февраля 1964 года писатель с горечью пишет: «Гляжу на русских и восхищаюсь. Они намного нас опережают, им свойственно терпение, широта души. Среди них есть такие, как Твардовский, как Маршак, которые, когда Солженицын принесет свое произведение, принимают его как “литературное чудо”. Наше старшее поколение писателей (и им идущая вслед молодежь) в состоянии оценить литературный процесс только исходя из соображений своей личной безопасности. Привыкли бояться, трястись от страха. Тех, кто был в состоянии высказать мысль, уничтожили в 37-м году. А сейчас правит бал кучка трусов, мастеров скрывать свои истинные мысли. И мы по воле небес оказались в их власти» [1; 482].

Тема невинно осужденных в годы репрессий продолжала волновать татарского писателя на протяжении всего творческого пути и давала о себе знать в целом ряде произведений («Повесть о любви и ненависти», «Рана»).

Летом 1990 года А. Гилязов предпринял путешествие по местам своего лагерного прошлого. В результате в 1991 году увидели свет его путевые заметки «Я искал свои следы» [3], в которых писатель не только обобщил свои дорожные впечатления, но и поделился философскими размышлениями о судьбе татарского народа, о времени и о себе. Огромное место в путевых записках занимает антитеза картин прошлого и настоящего КАРЛАГа. В 1991–1993 годах писатель создает роман-воспоминание «Давайте помолимся!», который исследователи (Габидуллин Р. Р. «Татарская “лагерная проза” во второй половине XX века: жанровая типология и поэтика»: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009) относят к «лагерной прозе». Огромное место в путевых заметках и романе отводится описанию «особых лагерей», расположенных в степях Казахстана.

На территории Казахстана было создано одиннадцать лагерей, где в жестких условиях находились репрессированные и члены их семей. АЛЖИР, Степлаг, Карлаг были крупнейшими в структуре ГУЛАГ. За годы репрессий сюда было сослано свыше 5 млн человек. В Республике Казахстан проводится огромная работа по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. В 1993 году был принят Закон РК «О реабилитации жертв массовых репрессий». Согласно Указу Президента РК от 5 апреля 1997 года № 3443, ежегодно 31 мая в республике отмечают День памяти жертв политических репрессий. «Сострадание и помощь со стороны казахского народа помогли им выжить и обрести надежду. Таковы были результаты трагического эксперимента под лозунгом “светлого будущего коммунизма”... – говорится в обращении Президента РК по случаю Дня памяти жертв политических репрессий 31 мая 2018 года. – Во имя торжества справедливости в Казахстане проводится масштабная работа. За годы независимости издано 14 “Книг скорби”, в которые занесены светлые имена почти 146,5 тысяч безвинно пострадавших соотечественников. В соответствии с законодательством более 340 тысяч незаконно репрессированных граждан были реабилитированы... Десятки памятных знаков возведены в местах захоронений жертв тоталитаризма. На территории бывших гулаговских лагерей действуют мемориальные комплексы. Сегодня их число пополнилось новым Музеем памяти жертв политических репрессий, созданном на месте печально известного Карлага», – подчеркивается в документе. Нурсултан Назарбаев считает, что «уроки истории только тогда имеют ценность, когда они осмыслены и осознаны современным поколением казахстанцев» [4].

Произведения на лагерную тему очень разнообразны. Как однажды написал В. Шаламов, «это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно» [5]. Татарский писатель внес огромный вклад в увековечивание памяти узников КАРЛАГа. Заслуга А. Гиязова состоит в том, что он явился первооткрывателем этой темы в художественной литературе.

В Казахстане первые воспоминания узников стали появляться в газетных и журнальных публикациях в 1990-е годы (в газете «Индустриальная Караганда» статьи В. Дика «Карлаг», 30.07.1988, А. Йонкера «Правда необорима», 08.01.1989; в газете «Ленинская смена» статья А. Иконникова «Оглашению не подлежит»

12.08.1988; в газете «Вечерняя Караганда» статья А. Карпенчука «Узники “Совхоза НКВД”», 20 марта, 3 и 17 апреля 1991 года и др.). Затем, начиная с 1993 года, эта тема получила научное осмысление в трудах ученых (Д. А. Шаймуханова «Карлаг». Караганда, 1997; Н. О. Дулатбекова «Судьба узника песчаного лагеря: биография». Караганда, 2012; А. Р. Кукушкиной «Акмолинский лагерь жен “изменников родины”: история и судьбы». Караганда, 2002), публицистов (Е. Б. Кузнецовой «Карлаг: по обе стороны колючки», 2001; «Карлаг: Мечены одной метой», 2010) и писателей (художественно-документальные рассказы В. Могильницкого «Созвездие талантов». Караганда, 1993).

А. Гилязов опередил казахских ученых и писателей в разработке темы КАРЛАГа: осмысляя художественно свое прошлое, узник лагерей воссоздал в романе жизнедеятельность лагеря от момента создания до закрытия. Роман «Давайте помолимся!» (1991–1993) был задуман автором как дань памяти тем, кто сгинул или выжил в этой сталинской преисподней.

Цель нашего исследования – выявить своеобразие образа Казахстана в путевых заметках «Я искал свои следы» [2; 432–480] и романе-воспоминании «Давайте помолимся!» [2; 9–411] А. Гилязова.

Образ Караганды впервые появляется в путевых заметках «Я искал свои следы». А. Гилязов прибегает к антитезе в описании «чужого» пространства. Для писателя Актас является местом заключения, где «горе в лагере мыкали»; «местом адских мук», «преисподней». Для бывшего узника КАРЛАГа это «проклятая, но святая земля», «земля, что сделала меня счастливым и несчастным одновременно». А для татар-имигрантов, «беглецов», в 1990-е годы Карагандинская область, Актас – «рай», «родной дом». Это место, куда «они приехали по своей доброй воле, покинув землю своих предков, чтобы вырваться на жизненный простор». А. Гилязов с горечью констатирует, что чужбина – место ассимиляции татар-«беглецов», где размывается их национальная идентичность.

А. Гилязов дает яркую характеристику карагандинской земле: «Сначала проехали по ровной, как днище печи, местности, затем, громыхая, пронеслись среди протянувшейся гряды холмов». И снова увиденное оценивается в разных временных регистрах: с точки зрения прошлого и настоящего. А. Гилязов вспоминает, какое впечатление на него произвела эта земля во время этапа: «земля здесь степная, равнинная, однообразная и бедная». Очень ярким получилось описание песчаной бури: «Свистит ветер, до небес поднимает пыль и песок, затмевая солнце. Начинается настоящее светопреставление! Голодные, обессиленные заключенные идут, спотыкаясь под напором ветра и стараясь прикрыть лица рукавом. А ветер безжалостно налетает снова и снова, пытаюсь сорвать одежду и сбить с ног. Стоит чуть-чуть выйти из строя, и порывы ветра, будто злые псы, готовы разорвать тебя в клочья...» [2; 449]

В 1990-е годы вместо лагерей, окруженных колючей проволокой, писатель увидел в Караганде шахты, терриконы, окруженные заборами и телеграфными столбами, обмотанными проводами. С горечью бывший узник констатирует, что человек за 30-40 лет «заразил землю проклятой болезнью бесхозяйственности и безответственности». Исчезли лагеря, однако в окрестностях не наблюдается «благополучия, тепла, красоты». «Порой кажется, что не царь природы – Номо Сарьенс – хозяин здесь, а какие-то дьяволы, оборотни, нечистая сила», «до самого горизонта земля будто изрыта гигантскими кротами» [2; 450].

В лирическом обращении «Здравствуй, Актас!» А. Гилязов восстанавливает географию «преисподней»:

- Актас – «каменное подземелье»,
- Федоровка, Михайловка,
- «Майкудук, с удивительно романтичными таинственными лунными ночами, которые сделали меня писателем»,
- «Карабас! Я помню тебя в крепкие туманные изморози, глубокой ночью когда самая яркая звезда зажигалась над тобой бесконечно большим знаком вопроса!» [2; 443].

«Лагеря Карабаса, Актаса и Волянки мне особенно памяты и близки», – признается писатель [2; 459]. Лагерь для А. Гилязова – это место обретения настоящих друзей (украинец Иван Семенович Велягурский, крымский татарин Эскандер Дайрский, немец Хайнц Бем, татарский эмигрант из Японии Абдулла Али-казый, профессор Ростислав Иванович Илечко, офицер-эмигрант Мерзленков Александр Васильевич...). Его здесь знали, как Алексея Михайловича Неона. В лагере принято было придумывать себе имена.

Прогуливаясь по старому кирпичному заводу, писатель вспоминает о том, как тяжело было здесь работать: «По ночам мы стонали до слез из-за ободранных в кровь ладоней, обломанных ногтей» [2; 456]. Среди воспоминаний о тяжелых арестантских буднях наиболее яркими оказались воспоминания о неудачном побеге четырех заключенных летом 1951 года («московский студент Анатолий Кузовкин, русский Анатолий Зонегин, богатырского телосложения казах с узкими, горящими словно угольки глазами и высокий с приветливым и ясным выражением лица литовец») и кенгирском восстании заключенных.

А. Гилязов потрясен, что власти «заставили забыть» жителей о лагерях, некогда здесь расположенных. Писатель не может смириться со словом «забылось»: «В молодости я искал единомышленников на свободе, а нашел в том же лагере, где был сам... А в нашем “особом лагере без права переписки” люди вполне сознательно не принимали советскую власть, готовились к борьбе с советской системой» [2; 476].

А. Гилязов признается, что нашел в себе силы вернуться снова в эту преисподнюю, чтобы отдать дань памяти своим спутникам по лагерю. Так родилась идея создать роман-молитву «Давайте помолимся!». Впервые Казахстан упоминается писателем уже в 1-й части романа, когда А. Гилязов делится воспоминаниями о собственном детстве и юности (8-я подглавка). Антинародный характер режима большевиков, считает автор романа, особенно ярко проявился в таком социальном бедствии, как голод. А. Гилязов приводит страшные факты из жизни разных народов в 1920-е годы, в том числе и по Казахстану: «В Казахстане тотальный голод. Миллионы крестьян пухнут с голоду, умирают от истощения дети. Земля остается без хозяина» [2; 143]. Как указывают ученые, «основной причиной голода в казахской степи стали программы Советского правительства, нацеленные на радикальные преобразования в степи, в том числе коллективизация, принудительный перевод кочевников к оседлой жизни и установление границ». Таким образом, изначально Казахстан в романе упоминается как место, где по вине власти Советов произошла страшная социально-экономическая катастрофа.

Казахстан в романе превращается в место, где терпят лишения узники ГУЛАГа – представители многонационального СССР (например, «вынужденный пере-

носить лишения в Казахстане грузин Хуродзе»). В «Давайте помолимся!» встречается эмоциональное восприятие этой территории как места смерти: например, размышления автобиографического героя о белорусе, навсегда упокоившемся в «мерзлой земле Казахстана», которая послужила для него последним пристанищем [2; 143]. В романе актуализируется административно-политическая составляющая представлений о Казахстане как месте ссылки, чужом, неизвестном пространстве: «Коротышка-охранник в белом тулупе с высоким воротником отчаянно матерясь, строит нашу группу, от укуса мороза превратившуюся в кашню, в более или менее стройные ряды. Чего-то ждем. В эту минуту взор мой обращается к небу, к звездам, плотнее нашего сжатым в кольцо. Прямо над моей головой горят семь звезд Ковша, образуя гигантский вопросительный знак. Уже сколько времени я не смотрел в ночное небо, не разглядывал темно-синие горизонты, едва-едва удерживающие на плечах тяжелые созвездия. Звездное небо тоже сузилось, сомкнулось, словно маленькая тюрьма, тесным, наглухо закрытым шатром вокруг Земного шара. Казалось, что тяжелые холодные звезды, не сумев удержаться на небесной канве, обрушатся на нас. Стоим, молчим. К кому нам обращаться-то?» [2; 145].

В романе писатель описывает Казахстан как средоточие трех огромных лагерей: «Самым подходящим признают Казахстан с его бескрайними степями и отдаленными, труднодоступными уголками. Особенно удобны тихие окрестности Караганды. В Карагандинской области строятся три огромных лагеря. “Степлаг” – это ненасытное управление лагерей включает в себя три области: Кенгирскую, Балхашскую, Джезказганскую. В каждой из них каторжный труд, неограниченный рабочий день от темна до темна, медные рудники, каменноугольные шахты» [2; 166]. А. Гилязов подробно описывает уклад каждого из лагерей.

В романе «Давайте помолимся!» Казахстан репрезентируется через ряд географических наименований населенных пунктов: Джезказган, Кенгир, Балхаш, Актас, Волынка, Спасск... позволяющих идентифицировать территорию. Казахстан ассоциируется у узников с бескрайними просторами степей, высокими небесами.

Казахстан представлен через восприятие не только А. Гилязова, но и других узников как место с суровыми климатическими условиями. Писатель отмечает, как быстро заключенные избавлялись от бытовавших в среде обывателей стереотипов о Казахстане как «благодатном, теплом регионе Средней Азии». Казахстан ассоциируется у карлаговцев с пронизывающими морозами, ветрами и буранами. «О, летние и зимние бураны Казахстана! Помню, их тоже помню!...» – признается главный герой романа [2; 240]. Вскоре узник-студент приходит к заключению, что местная природа «зловеща». А. Гилязов дает очень яркую образную характеристику «необузданным ветрам»: «Наверное, здешние необузданные ветра большевиками отловлены, истерзаны и брошены в огромные загоны, не иначе? Похоже, освободившись из этого плена, они теперь бесятся над степными просторами, как стригунки по весне?» [2; 241]. В этом описании дают о себе знать ключевые символы и метафоры кочевой цивилизации (например, конь-ветер). Очень динамичным получилось у писателя и описание песчаной бури как «дикого перепляса» «песчаных костров», шаров перекасти-поля. Этнокультурная составляющая образа бурана дает о себе знать и в следующей эмоциональной оценке: «пляска шайтана».

Ведущим при изображении природных стихий у А. Гилязова становится принцип контраста. Песчаная буря в степи противопоставляется зимнему бурану: «А зимние бураны наособицу жестоки». В произведении приводится несколько описаний этого стихийного бедствия: «И без того хмурый день резко темнеет. Сплошной стеной идет снег, не идет – валит, не валит – соединив небо и ветер, темно-черные тучи всей тяжестью ложатся на землю, на ровном месте образуя горы» [2; 241]. Или: «Если уж буран проник на территорию Казахстана, быстро он ее не покинет. Ему здесь хорошо, просторно, дуй себе, сколько хочешь, бесись!.. А нам беда! Буран если не каждый день лютует, то раз в неделю – обязательно. Когда выходишь из-под земли, из карьера, из царства глины и попадаешь в буран, то практически слепнешь на какое-то время» [2; 243].

В природно-климатической характеристике региона встречаются и комплементарные оценки: «благодатный», «степной Казахстан»; «щедрые казахстанские степи».

«Поднимаю тяжелую, устало склонившуюся от общения с рыжим чертом голову и вижу, что прямо напротив меня взошло самое прекрасное украшение ночного неба – полная луна. Небо накрыло землю золотистой накидкой. Не догадывался я, что в суровом Казахстане есть столько золота! Даже многослойные колючие заборы, ощерившиеся длинными и острыми зубами, смягчились и поправились, промокнувшись золотом» [2; 366].

В романе встречается антитеза природного мира и социума: «В благодатном и одновременно жестоком степном Казахстане короста бесчисленных лагерей, навонивший эти края бессчетный пришлый люд, не помнящий родства, высокие заборы, закрывающие полнеба, насильно связавшие небо и землю километры колючей проволоки, пропаганда, ведущаяся на протяжении многих лет, сделали свое дело: местное население с брезгливостью и ненавистью относится к номерным заключенным. Разве станет удерживать народ скопившуюся ненависть при встрече? Обязательно выплеснет! Наверное, бесчисленные лагеря изменили их обычаи и традиции, образ жизни, нарушили мирное ее течение, отобрали пастбища, на которых отъедались их многочисленные стада» [2; 145]. А. Гилязов в романе размышляет о негативном влиянии системы ГУЛАГа на местных жителей. Писатель указывает, что лагерь пагубно влияет не только на заключенных, но и способствует озверению охранников: «Попавшие в щедрые казахстанские степи в последние годы жили в особо жестком режиме. Переписка запрещена, в год два незапечатанных письма, и те на русском языке. В четырех местах на теле человека – номера. На рассвете выходишь из запертых дверей на работу, по возвращении ужинаешь, и тебя опять с лязгом закрывают. Тебя стерегут сотни солдат и офицеров. Внутри лагеря волчары-надзиратели. В конвоиры в основном набирают забитых, не знающих русский язык парней из Средней Азии. Казахи, киргизы, узбеки и особенно таджики, мягкие, добрые и покладистые дома, за полгода службы портятся, превращаясь в диких хищников. Ненасытные кровопийцы и жестокие душегубы, беспощадно терзающие заключенных, вышли именно из таких» [2; 166-167].

Казахстан репрезентируется через описание видов деятельности узников. Так, рассказывая о своей работе на стройке в поселке Карабас, А. Гилязов пишет: «Работавшая до нас на сборке домов бригада не стала утруждать себя рытьем мерзлой, твердой, как камень, казахстанской земли, предшественники жгли, не жалея, деревянные модули и затем копали оттаявший грунт» [2; 157].

В «особых лагерях», расположенных в Казахстане, по мнению писателя, были сосредоточены люди, понимавшие суть власти Советов, испытывавшие на себе все зло деспотизма и потому вставших на путь сопротивления этому режиму. «Особые лагеря» превращаются у писателя в островки свободомыслия. Особенно ярко это проявилось в описании взбунтовавшей зоны, когда 18 тысяч заключенных не вышли на работу и были раздавлены танками.

Таким образом, в путевых заметках «Я искал свои следы» и в романе-воспоминании «Давайте помолимся!» А. Гилязова Казахстан предстает уникальным географическим регионом с определенными климатическими условиями и историей. По воле государства в годы репрессий эта территория превращается в место для лагерей ГУЛАГа, куда загоняются миллионы заключенных. В воспоминаниях А. Гилязова репрезентируется топонимический, географический, природно-климатический, исторический (административно-политический), этнокультурный компоненты образа Казахстана. В меньшей степени в указанных произведениях татарского писателя эксплицированы этнические характеристики казахов. Больше всего в дорожных заметках и романе-воспоминании развивается представление о Казахстане как месте лишений и гибели для миллионов заключенных. Для автобиографического героя этот регион стал местом инициации, настоящей школой жизни.

А. Гилязов в путевых заметках «Я искал свои следы» и романе-воспоминании «Давайте помолимся!» сумел воссоздать панораму лагерной жизни казахстанского архипелага КАРЛАГ и ликвидировать «белые пятна» в национальной истории. Писатель мечтал о том, чтобы рассказанное им принесло пользу людям, послужило уроком для будущих поколений, разнеслось над землей, как проклятие против любых проявлений тирании, деспотизма и преступлений против человечества, вознеслось к Богу проникновенной молитвой за погибших, за «друзей, попутчиков, единомышленников, борцов». Весьма символично, что в конце романа-воспоминания А. Гилязов цитирует 24-й аят суры «Ибраһим»: «Разве ты не видишь, как Аллах приводит притчи? Прекрасное слово подобно прекрасному дереву, корни которого прочны, а ветви восходят к небу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабутдинова М. М. Его правда, его молитва... // Гилязов А. М. Давайте помолимся! Казань: Тат. кн. изд-во, 2017.
2. Гилязов А. М. Давайте помолимся! – Казань: Тат. кн. изд-во, 2017. –511 с.
3. Гыйләжөв А. Эзләремне эзләдем // Идел. 1991. № 10-11. 4–25 б.
4. Обращение Президента РК по случаю Дня памяти жертв политических репрессий // Казахстанская правда. 2018. 31 мая.
5. <https://shalamov.ru/research/150/#n1>.

